

Это строка из стихотворения великого танцовщика нашего времени Владимира Васильева, и в ней очень просто и вместе с тем емко выражен его солнечный оптимизм, которого, увы, так мало в нашей жизни. Уже пять лет, как Владимир Викторович - генеральный директор, художественный руководитель Большого театра. Недавно Васильев получил письмо из Кировской области от женщины, организовавшей в деревне кружок любителей музыки. Она рассказывает, как трудно живут сегодня люди в селе. Раньше они смотрели теленаканал "Культура", но теперь он у них не транслируется. А еще сломалась игла от проигрывателя, в магазинах же игл нет и нельзя слушать пластинки. Но люди по-прежнему собираются вместе, говорят о поэзии, читают стихи. Сама она недавно поведала друзьям, как видела на сцене Енатирун Максимову и Владимира Васильева, и ощущение от их танца - одно из самых глубоких в ее душе. Ради таких ощущений и стоит жить и творить!

БРАВО, ВАСИЛЬЕВ!

В школе он мечтал о партиях характерных, гротесковых. Эмоции захлестывали всю. Ему казалось, что это и есть самое главное в танце. Но с первых сезонов в Большом театре, где он стал работать с пятьдесят восьмого года, и где ему пришлось исполнять партии классические, он понял, что на одних эмоциях далеко не уедешь, и начал тщательно шлифовать мастерство.

Матушка-природа не дала ему большого роста и внешности принца, да и ноги не были идеальными по форме. Однако филигранная огранка каждого движения, каждого па сделала свое дело. Васильев стал классическим танцором.

Позже он заметит, что принято считать, будто в балете главное тело, но это не совсем так. Главное - все же голова. Человеческое тело - огромный инструмент, но управляет им мысль. Чем талантливее и властнее этот "дирижер", тем совершеннее поет "оркестр".

Текст в театре один - музыка, утверждает

Владимир ВАСИЛЬЕВ:

«Я РАД ТОМУ, ЧТО Я ЖИВУ...»

Владимир Викторович. Она все и определяет. Когда вы сливаетесь с ней, значит, все в порядке. Нужно жить в музыке, дышать ею.

Сам он дышал ею, будучи балетным премьером, почти тридцать лет. За это время станцевал в Большом тридцать две партии, что, разумеется, крайне мало. Но что случилось, то случилось.

В его пору был настоящий балетный бум. Золотой век балета. В театре работали великие мастера. Васильев творил на сцене вместе с Плисецкой, Максимовой, Бессмертной, Лавровской, Липой... В их завораживающих танцах было не только ослепительное мастерство, но и упоение профессией, магнетизм, заразительность. Пело не только их тело, и нутро. Сейчас с ними нельзя поставить рядом никого.

Восхождение к балетному Олимпу началось у Владимира Васильева с партии мастера-мечтателя Даниила в "Каменном цветке" Юрия Григоровича.

Был он и добродушным Иванушкой и героическим Спартаком, и самодержцем Грозным, принцем Дезире, изысканным Нарциссом, искрометным испанцем Базилом, гениальным Паганини, поэтичным Альбертом... Альберт в "Жизели" - самая любимая его партия.

В моей же памяти Васильев остается непревзойденным сказочным Принцем со своей несравненной Машей - Екатериной Максимовой в двух постановках "Щелкунчика" - Вайнонена и Григоровича.

Но вот что поражает. Однажды танцовщик признался, что всего два спектакля в жизни он станцевал, когда у него ничего не болело. И, как ни странно, лучшими они не были. Для артиста балета травмы - дело обычное. Серьезных, правда, у Васильева не было, а вот нарывы были частенько, да два года с оторванным мениском танцевал... Искусство танцовщика и на самом деле - каторга в цветах.

ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ

Феномен Васильева как танцовщика вырос из удивительного сплава русской стихии, высокого творческого духа и потрясающей органики.

Вслед за Вацлавом Нижинским вместе с Рудольфом Нуриевым, Михаилом Барышниковым Владимир Васильев поставил мужской танец в балетном искусстве на самую его вершину.

Вот что писал балетмейстер Федор Лопухов:

"Васильев точно осознал великую мощь русского и России. В классике - это ярко выраженный русский танцовщик с понятием русской широты, выявляемой в движениях, которую ни один иностранный танцовщик выявить не может, ибо для этого надо родиться и прожить в широчайшей по объему стране, какой является Россия, где от соприкосновения людей с природой она и отражается в тех самых ассамбле, жете и так далее - в прочих движениях, то есть с явной русско-ностью..."

В этой "русковости" - и сильные, и слабые стороны. Сила - во всегдашней устремленности к небу. Слабость - в стремлении объять необъятное.

Потребность в самовыражении привела танцовщика к хореографии. Первым, кто

угадал талант Васильева к сочинительству, был Касьян Голейзовский. На одной из первых репетиций "Нарцисса" он сказал:

"Володя, ты должен ставить... обязательно пробуй себя. В тебе сидит музыка..."

А взял и бросил его в омут хореографии, как признается Владимир Викторович, сам Григорович. Он подтолкнул его к постановке "Икара". Этот балет чрезвычайно символичен в васильевской судьбе. Он о нем самом - человеке, стремящемся взлететь, утвердить свою творческую мечту, свое вдохновение, однако властитель поражает летящего Икара стрелой.

И в реальной жизни произошел конфликт главного балетмейстера и его премьеры. В конце 80-х в театре начался раскол. И про Васильева тоже пошли нелестные статьи в прессе. А у Васильева всегда так: чем больнее ударят, тем больше хочется творить. И он стал писать картины... Когда уж совсем плохо, в голове почему-то возникают стихи. Видимо, это защитная реакция организма на боль. Если кто-то ему делает нестерпимо больно, пишет эпиграммы...

Многое в Большом меняется к лучшему. Прекратились распри, а доходило порой до кулачных боев, до уродливого: шли стенкой на стенку, были доносы, интриги, угрозы. Даже в оркестре люди были поделены на белую и черную кость: одни могли ездить на гастроли, другие должны были только сидеть на месте. Васильев сумел изменить ситуацию. Он устраивает в театре творческие и юбилейные вечера, бенефисы, помогает ветеранам. Но противостояние с критиками продолжается.

БРОСИТ ВСЕ РАДИ ДРУГОГО

Театральный же мир по-прежнему его любит. "Володя" - зовут его друзья и близкие. Он, как и раньше, может бросить все ради другого. Поехать куда-то в ночь, в глушь, чтобы оказать помощь. Не задумываясь, снимет последнюю рубашку и при этом будет счастлив.

"Он доверчивый", - скажет о нем однажды его супруга Екатерина Максимова. "К тому же Володя резкий, порывистый, но в последнее время стал много терпимее. Легко заводится, так же легко отходит. Ссоримся мы редко и ненадолго. Так, на неделю, ну на две - самое большее. Хотя порой бывало и так, что вот уже все - расчленился, кажется, собрался. Но нет. Все поправляется... Бывал он и ревнив. Бывало, и я ревновала".

В их жизни были и взлеты, и падения. Но они выстояли. В будущем году отметят сорокалетие бракосочетания.

- Мы с Катей много лет вместе, - рассказывает Владимир Викторович. - Мне легко было с ней на сцене, очень трудно в репетиционном зале. Дома мы практически не бывали. Домом был театр. И как в любви, так и в работе было много и радости, и горечи. Но мучиться своим счастьем - тоже счастье. По характеру мы совсем разные. Я спринтер, Катя - стайер. Я - экстраверт, она - интроверт. В этом, быть может, и заключается секрет долголетия нашего брака: мы как бы дополняем друг друга.

Любопытно, что отдыхать наш золотой дуэт предпочитает под Кинешмой. Там, на реке Рыжовка, неподалеку от любимого Щельковского, Володя построил Кате и себе дом.

"Какие там места! Такая рыбалка! А грибов! Никакая Америка, никакая Европа не сравнятся со средней полосой нашей России", - говорит премьер мирового балета, у ног которого мог бы лежать весь мир.

Тот самый первый попугай был в его жизни не случаен. Васильев и на самом деле стал художником: увлеченно рисует пейзажи, портреты, хотя профессионально никогда не учился. Рисовать начал спонтанно, когда ему было лет четырнадцать. С друзьями из училища он поехал тогда летом поработать водовозом в лагере рядом с Новым Иерусалимом. Там отдыхали молодые художники. Володе захотелось попробовать и самому. Взял ретушь, черный карандаш и начал рисовать пейзажи. Получилось неплохо. С тех пор стал время от времени брать в руки кисть.

В новогодний бал, устроенный Васильевым нынче в Большом театре, с аукциона была продана его картина "Незнакомка", навеянная образом Кати. Борис Березовский заплатил за нее сорок тысяч долларов.

У Васильева и прекрасный слог. Редко кто из театральных людей может так ярко, сочно написать о своих учителях и коллегах, как он. Его эссе об Улановой, Голейзовском, Ермолаеве, Габовиче, Лавровском, Наде Павловой читаешь с наслаждением.

И еще он пишет стихи. Года два назад я услышала из его уста такое:

"Не думайте, что вы незаменимы. Подумайте о тех, кто был до вас. Кто чувствовал себя неотразимым. Сверкал, горел - и вдруг погас. Кому всегда мечталось Оставить свой неповторимый след, Кому когда-то доставалась вся сладость, Радость всех побед, Кто, как и вы, хотел бессмертия... Не обольщайтесь: все не ново... Ведь заменили тех, кто был до вас. Не обольщайтесь: все мы заменимы. Незаменимо только Божество".

Сам же он и не обольщается. Пришла мудрость. Недавно Васильев признался, что, если бы Григорович тогда не вывел его из труппы Большого, то сейчас бы в лучшем случае он занимался не любимой им педагогикой. Григорович был прав как балетмейстер, говорит он, но не прав как руководитель труппы, изгнав звезд мировой величины. Он не был толерантен, не пожелал потесниться, считает Владимир Викторович. Григорович первый посягнул на народных артистов, до той же поры они во всех театрах страны сидели в полном смысле слова до потери сознания.

И в свои шестьдесят танцующий Владимир Васильев зажигает публику. На прошедшем недавно юбилейном вечере он так лихо сплясал фрагмент из балета "Зорба" Лорки Мясина, что зал встал и нескончаемо скандировал "Браво!"

Лидия НОВИКОВА.

НАЧАЛО

Неудивительно ли, что Владимир Васильев помнит себя с года? Вот мама принесла его в ясли. Лицо воспитательницы. Игрушки. Пластиковый попугай. Именно его малыш позже изобразит на своем первом рисунке. Мама говорила, что сын станет художником. А она замечала только, что Володя растет. На радость всем. Видимо, у него от природы было легкое дыхание. И всю жизнь он будет человеком общительным, открытым, легко сходящимся с людьми.

Сладостные годы детства связаны у Владимира с ощущением благодати, которая охватывала всякий раз при наступлении весны. Воздух напоен брожением непонятных сил, свежестью, и у мальчика возникало ощущение чего-то необыкновенного.

Яркость живых эмоций, обостренное восприятие ароматов, красок, событий, лиц, интенсивность переживаний, безмерность чувств... - станут свойствами его натуры. Все, что есть во мне хорошего, цельного, - оттуда, из детства, считает сам Васильев.

А необыкновенное началось в жизни юного Володи, когда в семь лет он пошел в приятели в Кировский дом пионеров и записался в кружок балета. Собственно, сам выбрал себе профессию, хотя никто даже и не намекал на ней.

Родители не имели никакого отношения к искусству. Отец, Виктор Иванович Васильев, был шофером на войлочной фабрике. Мама, Татьяна Яковлевна, пришла туда работать в 15 лет. Она истинно верующий человек, не подвергающийся сомнению ни одну библейскую историю. Отец же был предан идеалам коммунизма, но так и не дождался райской жизни, о которой мечтал. К счастью, увидел танцующего сына на сцене первого театра страны и испытал гордость, когда зал рукоплескал ему. Его не стало, когда Володя уже третий сезон танцевал в Большом.

На всю жизнь Владимир Васильев сохранил благодарность своему первому учителю - Елене Романовне Россее, у которой занимался сначала в районном, а потом и в городском Доме пионеров Москвы. Это она разглядела в обаятельном русоволосом мальчике врожденную координацию движений, легкий, высокий прыжок, удачу. Это у нее он перетанцевал почти все народные танцы. И это она сказала Татьяне Яковлевне, что Володе надо поступать в хореографическое училище. В сорок девятом году он был и принят туда.